

А. С. Запесоцкий

ДМИТРИЙ ЛИХАЧЕВ: У ИСТОКОВ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ

Наш научный форум — продолжение замечательной традиции, основы которой были заложены первым Почетным доктором Университета, выдающимся гуманитарием, академиком Российской академии наук Дмитрием Сергеевичем Лихачевым в 1993 году. Тогда они назывались «День науки в СПбГУП». В 2001 году по указу Президента РФ Владимира Путина Дни науки продолжились уже как «Международные Лихачевские научные чтения».

Естественно, что наш Университет ведет систематические исследования научного наследия академика Лихачева и стремится обсуждать их результаты на данном форуме. В связи с этим сегодня мне хотелось бы высказаться о Дмитрие Сергеевиче как об одном из основоположников отечественной культурологии, великом русском культурологе.

Недавно мы выпустили сборник работ ученого «Избранные труды по русской и мировой культуре», знаменующий новый этап в осмыслении его наследия в сфере культурологии. Это второе, расширенное издание избранных трудов академика по русской и мировой культуре. Из 728 его работ, опубликованных на сайте нашего Университета (<http://www.lihachev/bibliografia>), в нем представлена 31. Они объединены в разделы иначе, чем в первой книге.

Первое издание (2006) открыло научному миру Лихачева-культуролога, что для многих стало неожиданностью. Однако впервые собранные воедино, извлеченные из общего массива публикаций основные труды ученого о культуре позволили по достоинству оценить впечатляющую панораму уникальной лихачев-

ской деятельности в данном направлении: «Речь идет не просто об отдельных и частных культурологических суждениях, специальных исследованиях тех или иных феноменов культурной жизни, а о продуманном, в основе своей концептуальном взгляде на сущность культуры, ее место в жизнедеятельности человека и общества. По-видимому, вполне можно говорить о культурологии Лихачева»³, — отметил тогда выдающийся российский философ, академик А. А. Гусейнов.

До выхода той, первой книги некоторые ученые (в основном литературоведы) считали его интерес к культуре чем-то вроде хобби. Окончательная точка в спорах о культурологической значимости лихачевских трудов была поставлена 20 декабря 2006 года на заседании Отделения историко-филологических наук РАН, посвященном 100-летию со дня рождения академика⁴.

Выделение из общего массива наследия Дмитрия Сергеевича его работ о культуре позволило изучать их совместно и целенаправленно. В итоге фундаментальная и масштабная теория культуры Лихачева получила свое осмысление в более чем 160 публикациях ученых СПбГУП.

В основе лихачевской теории — понимание культуры как системной целостности, исторически развива-

³ Гусейнов А. А. О культурологии Д. С. Лихачева // Гусейнов А. А., Запесоцкий А. С. Культурология Дмитрия Лихачева: комментарий к книге Д. С. Лихачева «Избранные труды по русской и мировой культуре». СПб.: СПбГУП, 2006. С. 23.

⁴ См.: Запесоцкий А. С. Дмитрий Лихачев — многогранность научного наследия // Проблемы сохранения и изучения культурного наследия: к 100-летию академика Д. С. Лихачева: материалы научной сессии Отделения ист.-филол. наук РАН, Москва, 20 декабря 2006 г. М., 2006. С. 26–37; Янин В. Л. Век Лихачева // Там же. С. 7–9.

¹ Лихачев Д. С. Прошлое — будущему. С. 575.

² Там же. С. 574.

ющейся на основе определенных закономерностей, существенно отличных от биологических. В связи с этим можно выделить несколько ключевых положений теории культуры, развиваемых Лихачевым в определенных группах работ.

Первое из них, связанное с многомерностью и целостностью культуры, представлено в работах «Культура как целостная среда», «Три основы европейской культуры и русский исторический опыт», «Россия никогда не была Востоком», «Русская культура в современном мире». В этих трудах Дмитрий Сергеевич предсказывает культуру как «органическое целостное явление», «духовную среду», «сакральное пространство».

Следует отметить, что академик развивает именно российскую культурологию, отличающуюся, скажем, от западной более широким, объемным видением культуры и особым вниманием к проблемам человеческой личности, гуманизма, борьбы Добра со Злом. В понимании целостности культуры и ее сущности Лихачев идет намного дальше американской антропологической школы. Академик рассматривает культурологию как разновидность универсального гуманитарного знания, охватывающего все пространство человеческого бытия. Чем бы ни занимался ученый — «Словом о полку Игореве» или Пушкиным, древнерусской архитектурой или Достоевским, проблемами сохранения культурного наследия или феноменом Петербурга, особенностями тюремного жаргона или садами и парками России, — везде он выходит за узкоотраслевые границы на широкий социально-исторический простор, в многомерность культурного пространства, вписывает изучаемое явление в контекст целого — культуры.

Культура никогда не была для Д. С. Лихачева результатом механического «обобщения», арифметической суммой фактов, сведений, имен... Он видел ее как сущностное проявление человека в мире, как многообразие форм такого проявления. «Мне представляется чрезвычайно важным, — писал ученый в работе «Культура как целостная среда», — рассматривать культуру как некое органическое целостное явление, как своего рода среду, в которой существуют свои общие для разных аспектов культуры тенденции, законы, взаимоприращения и взаимоотталкивания... Мне представляется необходимым рассматривать культуру как определенное пространство, сакральное поле, из которого нельзя, как в игре в бирюльки, изъять одну какую-либо часть, не сдвинув остальные. Общее падение культуры непременно наступает при утрате какой-либо одной ее части».

Д. С. Лихачев видел каждый отдельный феномен культуры как «зеркало», отражающее культурную систему в ее системном единстве. Искусство и язык, религиозно-философские взгляды, быт и нравы, обычаи и право — все, что создано руками и разумом человека, есть предмет лихачевской культурологии, обращение к которому позволяет полнее и глубже понять специфику культурного целого. При этом академик конструирует свое особое видение внутреннего морфологического строения культуры, выделяя своего рода культурные комплексы и исследуя их взаимовлияние

и эволюцию. Тогда целостность культуры, характерная для всех форм ее бытия, проявляется в единстве стиля, предстает перед нами в своих различных и в то же время взаимодополняющих «измерениях» — временном, пространственном, стилистическом, образном, символическом, сюжетно-событийном и др.

Целостность культуры обретается путем органичного соединения ее частей вокруг главного, вокруг того, что становится ценностной сердцевинной, «душой» — некоей объединяющей субстанцией: «Культура занимает место среди культур мира только благодаря тому самому высокому, чем она обладает»¹.

Но культура — не просто «целостность». У нее есть вектор развития, направление, скрепляющий ее внутренний стержень. Целостность культуры распадается либо остается чисто формальной, если ее не скрепляет единая идея. Для Д. С. Лихачева это ее нравственная составляющая как необходимое условие полноценного человеческого бытия. Вопрос о том, что такое культура, перерастает в вопрос, что делает (или не делает) культура, как она воздействует (или не воздействует) на личность. Конечно же, ученый видел в культуре и идеальное измерение человеческого бытия, его духовную составляющую: «Культура — это огромное *целостное* явление, которое делает людей, населяющих определенное пространство, из просто населения — народом, нацией. В понятие культуры должны входить и всегда входили религия, наука, образование, нравственные и моральные нормы поведения людей и государства. Культура — это то, что в значительной мере оправдывает перед Богом существование народа и нации» («Культура как целостная среда»).

Дмитрий Лихачев шел в русле тех тенденций российской гуманитарной науки XX века, для которых культуроцентризм был имманентно присущей характеристикой, а потребность выходить на широкие культурологические обобщения вытекала из самой логики научного поиска, противостоя дифференциации научного знания.

Традиция целостного постижения культуры, выдающимся представителем которой является Д. С. Лихачев, в высшей степени присуща отечественной философской мысли, а возможно, и является ее главной отличительной чертой. Однако во второй половине XX века, оформляясь как самостоятельная область знания, отечественная культурология находилась под чрезмерным влиянием зарубежной социальной и культурной антропологии, склонной к этнографическому, этнологическому пониманию культуры, к изучению ее как совокупности «обычаев и нравов». Д. С. Лихачев вернулся в изучение культуры русскую традицию целостного постижения, объемного видения мира.

Второе принципиальное положение теории культуры Д. С. Лихачева основано на понимании истории как культурной биографии человечества. Это в первую очередь работы, предвосхитившие перспективнейшее направление современного развития исторической науки: «Заметки об истоках искусства», «Слово и изображе-

¹ Лихачев Д. С. Мифы о России старые и новые // Лихачев Д. С. Раздумья о России. СПб. : Logos, 2001. С. 53. URL: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/fulltext/pazdumia_o_ros/005.pdf

ние в Древней Руси», «Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого», «Россия и Западная Европа в XVI веке», «Русская культура Нового времени и Древняя Русь», «Петровские реформы и развитие русской культуры», «Петербург в истории русской культуры», «Заметки к интеллектуальной топографии Петербурга первой четверти XX века (по воспоминаниям)», «О русской интеллигенции».

На протяжении длительного периода историческое знание развивалось как история властителей и полководцев, история создания и распада государств, войн, захватов крепостей и территорий и т. д. Этнополитическая история постепенно дополнялась политэкономической, сформировались и отрасли истории отдельных видов человеческой деятельности.

Лихачев же в своих работах изначально подходит к истории человечества как к истории его культуры. И делает в своих разрозненных на первый взгляд трудах блестящий исторический очерк развития культуры от момента ее зарождения до удивительных вершин человеческого духа: шедевров архитектуры и живописи, философии и науки, открытия великой идеи всечеловеческого единства и осознания смысла человеческой истории, утверждения ценностей свободы личности, ее нравственного выбора и ответственности. Мысль академика прочерчивает путь от первобытных времен до появления таких феноменов, как русская интеллигенция и Петербург.

Разумеется, этот очерк не охватывает всю историю мировой культуры и не может претендовать на исчерпывающую полноту. Дмитрий Сергеевич оперирует тем материалом, который находится в его распоряжении. Однако сам ракурс авторского взгляда, принцип отбора исходного материала, его компоновки и осмысления при создании исторической панорамы имеет огромное методологическое значение. Лихачев здесь проявляет себя как автор нового и чрезвычайно перспективного видения истории.

Третий краеугольный камень лихачевской теории связан с его методологией анализа бытия и развития культуры.

Здесь следует в первую очередь выделить труды «Концептосфера русского языка», «Прогрессивные линии развития в истории русской литературы», «Принцип историзма в изучении литературы», «“Принцип дополнительности” в изучении литературы», «Искусство и наука», «Что есть истина?», «Через хаос к гармонии», «Контрапункт стилей как особенность искусства». Они выполнены в основном на отечественном материале, но также имеют огромное значение для изучения культуры в целом, особенно первые две из названных работ. В статье «Концептосфера русского языка» Лихачев раскрыл особую роль национального языка, мир которого удерживает культуру как системную целостность, концентрирует культурные смыслы на всех уровнях бытия — от нации до отдельной личности. Для понимания этой работы важен следующий тезис: «Одно из самых главных проявлений культуры — язык. Язык — не просто средство коммуникации, но прежде всего *творец, создатель*. Не только культура, но и весь мир берет свое начало в Слове. <...> Сло-

во, язык помогают нам видеть, замечать и понимать то, чего мы без него не увидели бы и не поняли, открывают человеку окружающий мир.

Явление, которое не имеет названия, как бы отсутствует в мире. Мы можем его только угадывать с помощью других связанных с ним и уже названных явлений, но как нечто оригинальное, самобытное оно для человечества отсутствует. Отсюда ясно, какое огромное значение имеет для народа богатство языка, определяющее богатство “культурного осознания” мира» («Культура как целостная среда»).

Культура может быть представлена как поле явлений, имеющих языковые значения. «Концепт, — пояснял ученый, — не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека» («Концептосфера русского языка»). Так возникает концептосфера языка, под которой Лихачев понимал «слова-концентраторы культурных значений», несущие специфические ценности, отражающие своеобразие и уникальность данной национальной общности. Смысловое содержание языковых единиц он рассматривал в тесной связи с этнокультурным наполнением. Структура и значение языковых единиц, по Лихачеву, непосредственно выводят нас в сферу социально-исторических закономерностей.

Размышляя над первой фразой Евангелия от Иоанна «В начале было Слово», Д. С. Лихачев неоднократно подчеркивал, что Слово в русской культуре — нечто большее, чем имя вещей. Это нечто, предваряющее саму действительность, это идея, определяющая ее воплощение, Логос, который предшествует бытию, определяя все его реальные проявления.

Национальный язык, считал академик, — не только средство общения или знаковая система передачи информации: он выступает «заместителем» русской культуры, формой концентрации ее духовного богатства («Концептосфера русского языка»).

Статья «Прогрессивные линии развития в истории русской литературы» имеет огромное значение для постижения исторических закономерностей развития мировой культуры. Лихачев использует здесь отечественный литературный материал, но описанные им закономерности в значительной степени универсальны.

Д. С. Лихачев не разделял упрощенные взгляды на эволюцию культуры, не питал иллюзий насчет «однолинейного прогресса». Вместе с тем не был он и сторонником концепций «культурно-исторических циклов», «замкнутых цивилизаций» в духе Данилевского, Шпенглера, Тойнби¹. Отчетливо видя качественное своеобразие культурно-исторических эпох, вступающих во взаимный диалог, чувствуя «уникальный лик» каждой из них, Лихачев, тем не менее, был убежден в существовании «сквозных линий» в историческом движении, в проявлении общих тенденций, в наличии общей направленности культурного развития.

Он считал, что общий вектор изменений существует в движении «от хаоса к гармонии», в постепенном,

¹ См.: Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991; Шпенглер О. Закат Европы. М.: Искусство, 1993; Тойнби А. Исследование истории. СПб.: Изд-во СПбГУ; Изд-во Олега Абышко, 2006.

все более отчетливым выявлении высших смыслов человеческого бытия, в приближении к свободе, в усилении гуманистического начала. Ученый видел в идее гуманизма высший критерий настоящего прогресса.

К сквозным тенденциям развития культуры Лихачев относил снижение прямолинейной условности, возрастание организованности и личностного начала, увеличение удельного веса «сектора свободы», рост и обогащение гуманистического сознания и ряд других. Само развитие культуры академик представлял как сложный диалог, включающий взаимопереплетение и взаимоперекличку школ, направлений, сюжетов и тематики, «контрапункт стилей» и др.

Бесспорная заслуга Д. С. Лихачева — разработка и совершенствование самой методологии историко-культурного исследования, уточнения и обновления научных оценок исторических эпох.

Анализируя динамику культурных процессов, Д. С. Лихачев пришел к выводу, что культура не только (а может быть, и не столько) меняется, эволюционирует, сколько накапливается, усваивается (или не усваивается), создается (или утрачивается). В целом же прошлое не уходит бесследно, не «заменяется» настоящим, а продолжается в нем, лишь обновляя формы, принимая другие обличья. С этими представлениями было связано видение ученым древнерусской культуры — эпицентра его интересов в первой половине научной биографии. Академик показывает, что «забвение» древнерусской литературы в определенный период было относительным, что, по сути, традиция древнерусской культуры, древнерусского искусства никогда не умирала, она продолжала жить и влиять, более того, ее значение все более явственно «проступало» в истории Нового времени. Древняя Русь продолжала жить не только в фольклоре, быте, обычаях, лубочных изданиях, но и, скажем, в архитектуре Петербурга («Русская культура Нового времени и Древняя Русь», «Петербург в истории русской культуры»).

Достоинна особого внимания лихачевская идея, что начиная примерно с XIV века на Руси нарастают ренессансные явления (рост личностного начала, распад патриархального быта, трансформации художественного творчества, секуляризация культуры и т. д.), но сам Ренессанс в силу ряда исторических причин в нашей стране не происходит.

И еще один интересный момент: Д. С. Лихачев считал, что закономерности культурного развития охватывают прежде всего «средний уровень», саму «толщу» исторической эволюции, слой, где протекают «массовые процессы». Именно здесь наилучшим образом можно проследить культурные изменения, в том числе прогрессивные. «Прогресс — не в талантах и гениях, а именно в средних возможностях, в совершенствовании их и в расширении и усложнении художественной сущности литературы» («Прогрессивные линии развития в истории русской литературы»). Выдающиеся же личности выходят за рамки традиции и нормы, выступая генератором бесконечного духовно-смыслового расширения творческих возможностей культуры.

Остальные работы данной группы носят более частный характер и дополняют наше понимание лихачевского метода исследования культуры.

В отдельную группу работ Лихачева следует выделить статьи, показывающие роль русской литературы как фундамента национальной культуры: «Первые семьсот лет русской литературы», «Величие древней литературы», «Древнерусский смех», «Открытие ценности человеческой личности в демократической литературе XVII века». Здесь раскрываются истоки его утверждения, что в России литература создала нацию, выявив и определив ментальное своеобразие русского народа, его духовно-нравственную доминанту.

Академик пишет, что если в мире живых существ человек, как обладающий речью и владеющий словом, «должен являться защитником всего живого на земле, говорить за все живое во вселенной», то и в мире культуры, «представляющей собой обширнейший конгломерат различных “немых” форм творчества, именно литература, письменность яснее всего выражает национальные идеалы культуры. Она выражает именно идеалы, только лучшее в культуре и только наиболее выразительное для ее национальных особенностей. Литература “говорит” за всю национальную культуру, как “говорит” человек за все живое во вселенной» («Русская культура в современном мире»).

Русская литература во все века поднимала тему сочувствия, сострадания, жалости, напряженно искала правду-истину. Она «первой в мировом литературном процессе осознала ценность человеческой личности самой по себе, независимо от ее положения в обществе и независимо от собственных качеств этой личности» («Русская культура в современном мире»).

Источник художественной силы отечественной литературы состоит в ее нравственном пафосе: «Русская литература — совесть русского народа» («Русская культура в современном мире»). «Совесть не только ангел-хранитель человеческой чести, — это рулевой его свободы, она заботится о том, чтобы свобода не превращалась в произвол, но указывала человеку его настоящую дорогу в запутанных обстоятельствах жизни, особенно современной» («О русской интеллигенции»).

Особую роль Д. С. Лихачев отводит эпохе Предвозрождения (XIV в.), когда крепнет единство русского языка, русская литература все сильнее выражает национальное своеобразие, акцентирует тему государственного строительства, расширяется распространение исторических знаний, усиливается интерес к родной истории. Главными особенностями того периода стали формирование национального самосознания и «сложные русской национальной культуры» как целостности, в которой все элементы подчинены общей идее. Русскую классическую литературу Д. С. Лихачев характеризовал как «неисчерпаемый источник нравственных сил» и «нравственного самоочищения» («Русская культура в современном мире»).

Труды ученого «О русской природе», «Сад и культура России», «Сады Лицея» мы считаем возможным объединить в пятую группу публикаций ученого, отображающую его взгляды на взаимосвязь понятий «культура» и «природа». Это один из важных аспектов культурологической парадигмы Д. С. Лихачева.

Традиционно принятое деление на природное и культурное, противопоставление природы и культу-

ры вызывало возражения академика. Он полагал, что природа и культура составляют единое целое, находясь в определенном динамическом равновесии, и его нарушение грозит деградацией и духовным опустошением как личности, так и общества в целом, и также представляет опасность и для природы.

Особняком в наследии Д. С. Лихачева стоят его публикации «Экология культуры», «Декларация прав культуры», «Декларация прав культуры и ее международное значение». Их можно считать квинтэссенцией научного и нравственного завещания академика Лихачева, своего рода обращением к потомкам. Особо следует выделить «Декларацию прав культуры» — документ, разработанный в нашем Университете под научным руководством Дмитрия Сергеевича. Миро-

вое сообщество медленно, но все же созревает для восприятия заложенных в «Декларации» идей.

В этом докладе названы основные работы ученого, характеризующие различные аспекты его теории культуры. Интересно, что Дмитрий Сергеевич в течение своей жизни работал не столько над созданием теории культуры, сколько над осмыслением наиболее ярких, волнующих его культурных феноменов и животрепещущих проблем развития культуры. Теоретические прорывы обобщающего характера являлись для самого Лихачева скорее побочным продуктом. Между тем, как это нередко бывает в науке, значение таких «побочных продуктов» со временем может оказаться намного существеннее первоначальных замыслов автора. Что и произошло в данном случае.